

— Стать монахом — лучшее решение, которое я принял за последние годы! — заявил монах Ву Юй, «высокопарный» богач во втором поколении Чу Синь лениво облокотился на стул, совершенно расслабленный и неторопливый и относился к полицейскому расследованию так, как будто оно не было чем-то серьезным. — Как интересно. Просто став монахом, я стал еще и подозреваемым по уголовному делу. Если бы я не стал монахом, случилась бы со мной такая интересная вещь? Конечно, нет, правда? Эй, Ханхан, почему бы тебе не представить меня этому человеку?

Фан Юаньхан и Минг Шу сидели напротив Чу Синя.

Во всем отделе по тяжким преступлениям Фан Юаньхан был тем, кто до сих пор больше всего общался с Чу Синем. Он также был тем, кто меньше всего хотел снова увидеть Чу Синя. Этот парень Чу Синь был чрезвычайно хитрым. Казалось, он говорил только загадки и ложь, и все же в его лжи, казалось, была скрытая доля правды.

Фан Юаньхан все еще отчаянно хотел знать, почему Чу Синь предположил, что с Ву Цзэном, которого раньше звали Фан Пинсюй, что-то не так, но как бы он ни спрашивал позже, Чу Синь всегда игнорировал его.

— Капитан отдела по тяжким преступлениям, — спокойно заявил Минг Шу. — Минг Шу.

— А, так ты босс Ханхана. — Чу Синь улыбнулся и поерзал на своем месте. — О чем вы хотите меня спросить? Мотив? Или алиби?

Минг Шу слегка изогнул уголки губ:

— Ни одно из этого.

Чу Синь теперь выглядел любопытным:

— Ой?

— Независимо от того, есть ли у вас мотив, были ли у вас средства для совершения преступления, это не то, что вы можете достоверно подтвердить нам, — сказал Минг Шу. — Только доказательства, которые я обнаружил в ходе своего расследования, могут подтвердить истину.

Веки Чу Синя слегка опустились:

— Тогда о чем ты хочешь меня спросить?

— Я хотел бы поговорить о твоих братьях в храме и о твоём мастере Куй Чене, — сказал Минг

Шу. — Твой брат Ву Хань недавно рассказал кое-что моей команде. Хочешь знать, что?

— Ву Хань... — Чу Синь выглядел так, словно задумался. — Этот мрачный старый дядя, да?

— Дядя? — спросил Минг Шу. — Ты не считаешь его своим братом?

— Как мы могли быть так близки? — Чу Синь рассеянно покачал головой. — Мы просто случайно попали в один и тот же храм. Это не глубже, чем просто случайное посещение одного и того же дешевого борделя вместе. Вы же не считаете того, с кем столкнулись в борделе, своим братом, не так ли?

Фан Юаньхан был ошеломлен, просто слушая его. В конце концов, Чу Синь был монахом, как он мог сравнивать свое монашество с посещением борделя?

— Цк, цк, цк. — Чу Синь поднял брови, глядя на Фан Юаньхана. — Посмотри на это, Ханхан терпеть не может, когда его дразнят. С гетеросексуальными парнями просто не весело.

Сказав это, Чу Синь повернулся к Минг Шу. Его глаза внезапно показались немного теплее:

— Я все еще предпочитаю общаться с себе подобными.

Фан Юаньхан замер.

Комната для допросов записывалась! Что, черт возьми, этот парень Чу Синь думал, что говорит такое?!

В отделе по тяжким преступлениям Фан Юаньхан по-прежнему был единственным, кто знал, что его начальник гей. Он сделал все возможное, чтобы сохранить эту тайну. Как он мог позволить этому маленькому богатому мальчику раскрыть прикрытие Минг Шу сейчас?

— Кто такой же, как ты! — огрызнулся Фан Юаньхан.

Чу Синь вздохнул и взглянул на него краем глаза:

— Ох, ты натурал, почему ты так взволнован?

По сравнению с реакцией Фан Юаньхана, реакция Минг Шу была гораздо более спокойной. Казалось, слова Чу Синя его совершенно не затронули. Он лишь твердо продолжил:

— Этот «мрачный дядя» сказал, что в храме Хайцзин не живет ни одного хорошего человека.

Правая бровь Чу Синя очень высоко изогнулась. Он помолчал какое-то время, прежде чем спросил:

— Он правда это сказал?

— Мне не интересно тебя дразнить, — сказал Минг Шу.

Чу Синь еще некоторое время молчал, затем засмеялся и дважды хлопнул в ладоши:

— Он прав. В храме Хайцзин нет хороших людей.

— Это включает и тебя? — спросил Минг Шу.

— Это включает и меня, — согласился Чу Синь.

— Тогда почему бы тебе не рассказать мне, что вы за люди, — сказал Минг Шу, откинувшись на спинку сиденья. — Не нужно говорить о себе. Дай мне подумать... ну, давай начнем с Фан Пинсюя, который тебе, кажется, не нравится больше всего.

Чу Синь усмехнулся:

— Ты очень уверен в себе, не так ли? Зачем мне все это тебе говорить?

— Разве ты не сам это говорил? — Минг Шу улыбнулся. — Тебе нравится со мной общаться.

Фан Юаньхан чуть не выпалил: «Шеф, не говорите глупостей!»

Встретившись на мгновение взглядом Минг Шу, Чу Синь отвел взгляд, словно идя на компромисс. Он взглянул на Фан Юаньхана, прежде чем начал говорить более серьезно:

— Как я уже говорил вам в прошлый раз, Фан Пинсюй совсем не набожный. Его сердце не в том месте. Вам, возможно, будет куда интереснее узнать, чем он занимался до того, как стал монахом.

Минг Шу внимательно изучил Чу Синя. Его взгляд был подобен пылающему факелу, но он ничего не сказал.

Чу Синь тонко избегал его взгляда:

— Что, ты мне не веришь?

— Что касается Ву Цзэна, то «прежде чем стать монахом» — это всего лишь до прошлого года. Масштаб для поиска слишком широк, — сказал Минг Шу. — Раз уж вы готовы предоставить нам эту зацепку, не могли бы вы сузить ее для нас?

— Разве это не ваша работа как офицера полиции? — спросил Чу Синь.

Минг Шу улыбнулся:

— Расследование это также наша работа.

Чу Синь сделал выражение, которое, казалось, говорило «достаточно справедливо», прежде чем продолжить:

— Фан Пинсюй — сирота. Он вырос в приюте. Когда-то его усыновили, но затем вернули. Предлагаю вам начать искать там.

Фан Юаньхан снова разозлился:

— Ты не можешь говорить яснее?

Чу Синь пожал плечами:

— Маленький натурал, думаю, я уже достаточно ясно выразился.

Минг Шу поднял руку, не давая Фан Юаньхану сказать что-нибудь еще:

— А как насчет остальных? Ты знаешь не только о прошлом Фан Пинсюя, не так ли?

Чу Синь скрестил руки на груди. В его глазах появилось несколько лукавое выражение:

— Если бы я сказал вам, ребята, что в храме Хайцзин спрятана пара влюбленных, вы бы удивились?

Фан Юаньхан изо всех сил старался не издавать ни звука.

— Вы говорите об Ву Хане и Ву Ши, верно? — Минг Шу быстро догадался. — Учитель языка и учитель физкультуры, двадцать лет назад отказавшиеся от мирской жизни и социального статуса, — это действительно необычная вещь.

— Они очень хорошо выбирали свой путь, — сказал Чу Синь. — Мир не принял их, поэтому они

выбрали место, удаленное от мира. Но Ву Ханя, то есть Фан Юаня, в то время была жена.

Минг Шу подсказал:

— Жена...?

— Она умерла. — Чу Синь наклонился вперед и посмотрел на Минг Шу глубоким взглядом. — После того, как Лю Суй стал монахом и взял имя Ву Ши, и до того, как Тан Юань стал Ву Ханем. Именно тогда она умерла. Она утонула в акведуке, где-то очень далеко от дома.

Минг Шу прищурился и медленно спросил:

— Что-то подобное случилось?

— Для маленького городка двадцатилетней давности в этом нет ничего странного, — сказал Чу Синь. — В официальном полицейском отчете говорится, что жена Тан Юаня потеряла равновесие и поскользнулась, упав в акведук, но поскользнулась ли она или ее толкнули? Только люди, присутствовавшие в то время, знают правду. Я, например, не особо верю в это объяснение.

— Значит, вы думаете, что Лю Суй и Тан Юань вместе убили жену Тан Юаня? — спросил Минг Шу.

— Кто знает? — Тон Чу Синя снова стал довольно застенчивым. — Я не детектив. Я отвечаю только за свое воображение. Расследование — ваше дело.

Минг Шу кивнул:

— Хорошо, расследование — мое дело. А как насчет Ву Няня и мастера Куй Чена?

— Ву Нянь... — Чу Синь прикрыл лоб рукой. — Я не знаю.

— Ты не знаешь? — Минг Шу повторил. — Ты имеешь в виду, что не хочешь говорить?

Чу Синь этого не отрицал:

— Я уже сказал вам достаточно. Остальное вы можете посмотреть сами или спросить кого-нибудь другого. Что касается мастера Куй Чена, если я скажу, что никогда особо с ним не общался, вы мне поверите?

— Он, по крайней мере по имени, твой наставник, — сказал Минг Шу. — И ты уже несколько

лет был монахом в храме Хайцзин. Если ты скажешь, что мало с ним общался, я бы тебе не поверил.

Чу Синь засмеялся:

— Ну, верьте этому или не верьте, как вам угодно. Вы думаете, что стать монахом в храме Хайцзин очень сложно? Вы думаете, что нужно пройти проверку и тестирование, как в обычных храмах? Совсем нет.

— А? — сказал Минг Шу.

— Если бы они действительно все тщательно проверяли и расспрашивали всех желающих стать монахами, когда они приходили, действительно ли храм Хайцзин стал бы местом, хранящим столько скрытых тайн? — Чу Синь вздохнул. — Это всего лишь заброшенный храм в дикой природе. Любой может прийти сюда и стать монахом. Сам Куй Чень имеет неоднозначные корни. Как он мог допрашивать других о том, откуда они пришли?

— Судя по вашим словам, монахи в храме Хайцзин не настоящие монахи, а просто люди, в сердцах которых есть демоны? — Глаза Минг Шу постепенно стали острее. — А что насчет тебя? Каких демонов ты носишь в своем сердце?

Когда эта тема внезапно перешла на него, выражение лица Чу Синя слегка изменилось:

— Разве ты не говорил, что мы не будем говорить обо мне?

— Но, слушая, как вы так много говорите, я не могу сдержать свое любопытство, — сказал Минг Шу с улыбкой. — Все монахи тут не простые монахи, не так ли? Они все приходят с определенной целью, не могли же и вы прийти только для того, чтобы искренне помолиться и позвонить в колокол?

— Колокол и вправду хорош, — сказал Чу Синь, смеясь и покачивая головой.

— К тому же, — продолжил Минг Шу, — вы знаете слишком много подробностей о своем наставнике и своих братьях.

Чу Синь немного подумал, прежде чем ответить:

— Я увидел мир смертных и отправился в храм Хайцзин, чтобы стать монахом. Даже если меня не интересуют другие монахи в храме, моя семья не будет чувствовать себя спокойно. Как мог мой дядя позволить мне пойти в храм Хайцзин, если я не узнаю ясно о храмовой жизни?

— Это странно. Твой дядя Чу Линьсюн провел расследование и обнаружил, что каждый монах в

храме Хайцзин в чем-то подозрителен. И все же он все еще был готов позволить тебе жить там? — спросил Минг Шу. — Я не могу понять эту логику.

Брови Чу Синя слегка нахмурились в нерешительности. В конце концов он развел руками и сказал:

— Это правда, и это все, что я могу сказать. Если вы подозреваете меня в том, что я убийца, тогда идите и расследуйте меня. Потратьте столько времени, сколько вам нужно. Клянусь, я не буду просить мою семью о помощи.

По сравнению с Чу Синем, который беспрестанно болтал, монах по имени ВУ Нянь (мирское имя Инь Сяофэн) почти ничего не говорил, кроме случайного «Амитабхи».

— Он и раньше был таким! — Сказал Фан Юаньхан. — Как будто он не понимает, что мы ему говорим. Что бы я ни спрашивал, он просто ответил мне «Амитабха».

— Если Инь Сяофэн не желает говорить, это не большая проблема. Будут доказательства, которые «говорят» за него, — сказал Минг Шу. — Мне нужно, чтобы вы все переключили передачи и изменили свой образ мышления прямо сейчас. Я знаю, что ваш первый инстинкт, когда вы сталкиваетесь с монахами, — это почувствовать, что они добрые, сострадательные люди. Но монахи в храме Хайцзин явно другие. Прямо сейчас, мы ничего не знаем о личности и местонахождении Мастера Куй Чена, но у остальных пятерых есть свои темные стороны, которые ждут нашего расследования. Сейчас у нас есть два способа расследования смерти Цю Миня. Один сосредоточен вокруг Цю Миня, и поэтому Хун Чуанфэй является ключевым человеком, представляющим интерес. Человек, убивший Цю Миня, должно быть, отслеживал перемещения Хун Чуанфэя, иначе он не смог бы увести Цю Миня с горы Ятоу.

Лань Цяо мгновенно ответила:

— Да!

В отделе по расследованию тяжких преступлений не хватало рабочей силы, поэтому для участия в расследовании был вызван отряд женщин-полицейских под руководством Лань Цяо.

— Вы лучше всего знакомы с Цю Минем, поэтому продолжаете проводить это расследование. Хун Чуанфэй все еще может предоставить нам некоторую новую, полезную информацию. Но если он не сможет придумать ничего другого, нам придется самим это раскопать, — сказал Минг Шу. — Есть вопросы?

— Не волнуйся, — сказала Лань Цяо. — Просто оставь это мне.

Минг Шу кивнул и продолжил:

— Другое направление расследования связано с храмом Хайцзин. Вполне возможно, что убийца скрывается среди монахов храма Хайцзин, но сейчас невозможно сказать, кто это. Здесь есть одна серьезная проблема: убийца не обязательно является одним из пяти монахов, постоянно живущих в храме. Есть и другие монахи, которые проходят мимо, чтобы предложить благовония. Они тоже были бы знакомы с храмом и горой, и у них была бы возможность проскользнуть в закрытую часть храма и взять гвозди.

— Но если задуматься о мотивах, — прервал И Фэй, — у пяти монахов, живущих в храме Хайцзин, больше причин совершить преступление. Поскольку они являются постоянными жителями храма Хайцзин, именно они пострадали в первую очередь из-за популярности, которую Цю Минь и другие влиятельные блоггеры принесли горе Циюэ. Если они не совершали преступление, а другие монахи, только проходившие мимо, совершили... это не имеет смысла, не так ли?

Минг Шу кивнул:

— Ты прав. Мы должны точно выяснить, кто эти пять человек и откуда они пришли. Кроме того, что касается этого человека Куй Чена — есть ли у кого-нибудь какие-нибудь мысли о том, как его найти?

Сяо Ман поднял руку:

— Судя по пыли в изоляторе, Куй Чень исчез из храма вскоре после того, как сообщил другим монахам, что отправляется в изоляцию. В этой комнате не было никаких признаков борьбы, все было в порядке. Лично я предполагаю, что Куй Чень использовал период изоляции как прикрытие для ухода из храма Хайцзин.

— Но зачем ему это делать? — спросил Фан Юаньхан. — Что планирует делать семидесятилетний старик, когда уходит, не сказав никому?

— Есть много возможностей, — сказал Минг Шу. — Возможно, будучи монахом, который обнаружил, что у него осталось мало времени в этом мире, он хотел найти место, где можно покончить с собой. Однако есть один момент, который мы не можем игнорировать. Мы ничего не знаем об истинной личности Куй Чена, является ли он действительно стариком лет семидесяти, вот что меня волнует.

Фан Юаньхан выпрямился:

— Может быть, настоящий Куй Чень умер давным-давно, а тот, кто вошел в изолятор, был вовсе не Куй Чень!

Все в конференц-зале немедленно начали обсуждать эти новые возможности. В любом случае, когда речь шла о религии, обычно присутствовал дополнительный слой мистики. Особенно в случаях столь странных убийств, как это. У них не было другого выбора, кроме как разобраться

в своих уликах и расследовать определенные версии по отдельности, но как только они разделили эти версии, они стали слишком расплывать свои усилия — это также не способствовало раскрытию дела.

Минг Шу какое-то время слушал всеобщую болтовню, а затем сказал:

— Директор Сяо подал мне идею. Человек, убивший Цю Миня, и человек, расчленивший Цю Миня, могли быть двумя людьми, а человек, убивший Лу Чэнь и Чжао Сиянь, мог быть человеком, который расчленил Цю Миня. Это возможно, но я думаю, что вероятность того, что это правда, очень мала.

Син Му встал:

— Я согласен с теорией заместителя Сяо. Я проводил вскрытие Цю Миня, Лу Чэнь и Чжао Сиянь. Посмертные раны бывшей жертвы, Цю Миня, были нанесены инструментом, похожим на топор, который разрубил его тело на куски. А посмертные раны последних двух жертв были нанесены острыми лезвиями и гвоздями. Хотя это совершенно разные типы ран, в обоих случаях преступник продемонстрировал своего рода опыт в своих действиях. Предположить, что такой человек беспорядочно задушил Цю Миня до смерти голыми руками, я считаю нелогичным.

Сяо Мань понизил голос и прошептал Фан Юаньхану:

— Солнце сегодня встает на западе? Наш учитель Син на самом деле называет Сяо Минга нелогичным.

Фан Юаньхан прошептал в ответ:

— Учитель Син действительно хороший человек, не издевайтесь над ним слишком сильно.

— Я издеваюсь над ним? — Сяо Ман стукнул Фан Юаньхана наручниками по затылку. — Ты даже не можешь понять, когда я кого-то хвалю. Как, черт возьми, ты стал учеником Сяо Минга?

— Не связывайся со мной какое-то время, — предупредил Фан Юаньхан. Он указал на свою голову. — Все эти недавние дела меня запутали. Будь осторожен, иначе я могу отправить тебя, технического следователя, прямо на пенсию одним ударом.

— Черт возьми... — Сяо Ман хотел продолжить подшучивать над Фан Юаньханом, но когда он подумал, что этот брат в последнее время был очень занят, он сдался: — Хорошо, хорошо, я больше не буду с тобой связываться, босс.

— Если предположить, что человек, убивший Цю Миня, и человек, который его расчленил,

являются двумя отдельными людьми, все становится намного сложнее, — сказал Минг Шу. — Приказы, которые я отдал ранее, на самом деле основаны на одном предположении, а именно на том, что убийца ненавидел Цю Миня и только Цю Миня. Но есть более неприятная возможность, что Цю Минь — тот, кого выбрал убийца, но он не единственный.

— Это может быть серийный убийца, — сказал И Фэй.

Минг Шу кивнул:

— И именно поэтому мы должны найти прорыв в этом деле как можно скорее.

После встречи команды Чжоу Юань позвал Минг Шу:

— Капитан Минг, я уже проверил интернет-историю Цинь Кэ. Я не нашел никого, кто бы внимательно следил за ней. Она очень хорошо скрывает свою личность, и обычные люди не смогли бы найти ее. До инцидента вокруг нее не было подозрительных людей.

— Тогда более вероятно, что убийца добрался до семьи через Хуан Хуэй? — Минг Шу быстро переключил передачу, переключив свои мысли с дела о горе Циюэ на ужасное дело семьи Цинь. — Хуан Хуэй не часто выходит в Интернет, и в записях ее разговоров нет ничего подозрительного. Скорее всего, убийца подошел к ней лично.

— Мог ли это быть сам Цинь Ин? — Чжоу Юань размышлял про себя.

По мере продолжения расследования полиция выясняла подробности истории каждого монаха.

Луочэн, приют «Распростертые объятия».

— Фан Пинсуй, этот ребенок... — Юн Хун, старый глава приюта, уже вышел на пенсию. Но когда полиция спросила о Фан Пинсуйе, лицо Юн Хуна все еще выражало раскаяние. — С технической точки зрения, Фан Пинсуй на самом деле не был сиротой. Его родители были еще живы, когда его отправили к нам.

Суй Чунь сразу же придумал одно возможное объяснение:

— Его родители в тюрьме?

Юн Хун покачала головой:

— Нет, его отец был не только его отцом. Его отец был еще и его старшим братом.

— Это... — Сюй Чунь был ошеломлен. — Его брат навязал себя собственной матери?

— В то время ходили самые разные слухи, — сказал Юн Хун. — В этой семье никогда не было отца. Старшего брата Фан Пинсюя воспитывала одна его мать. На момент их «поступка» его матери еще не исполнилось сорока лет. Когда полиция приступила к расследованию, обе стороны заявили об этом. Фан Пинсюй был отправлен к нам по обоюдному согласию, когда он был очень молод, но он слышал от многих других, что он был «монстром», люди каждый день издевались над ним, называя его «продуктом инцеста».

— Кто отправил его в приют? — спросил Сюй Чунь.

— Его нелепая мать, — сказал Юн Хун. — Изначально наша политика заключалась в том, чтобы не принимать ни одного ребенка, чьи родители были еще живы. Но ситуация их семьи была слишком уникальной. Все сообщество знало, что Фан Пинсюй был продуктом кровосмесительных отношений его матери и брата. Люди говорили всевозможные вещи о нем, но ведь ребенок был совершенно невиновен. После того, как мы все обдумали, мы решили взять его к себе.

— Тогда что случилось с родителями Фан Пинсюя? — спросил Сюй Чунь. — Они не могли просто оставить Фан Пинсюя здесь и забыть о нем, верно?

— Они ушли, — сказал Юн Хун. — А некоторые люди говорят, что они умерли вместе давным-давно.

Сюй Чунь нахмурился:

— Вы хотите сказать... они пропали?

Юн Хун нашел старую книгу рекордов и надел очки, чтобы полистать страницы:

— Фан Пинсюй был отправлен к нам, когда ему было четыре года. Когда ему было шесть, его родители внезапно исчезли. Полиция также приехала, чтобы рассказать нам о том, что произошло, но они так и не нашли этих двоих. Все, кто знает об этом, включая меня, считает, что они, возможно, покончили жизнь самоубийством, потому что больше не могли противостоять осуждению общества.

— Был ли Фан Пинсюй усыновлен до или после того, как это произошло? — спросил Сюй Чунь.

— После, — сказал Юн Хун. — Богатая и добрая семья, у которой дома уже была дочь, была готова усыновить Фан Пинсюя даже после того, как узнала все подробности его ситуации. Они сказали, что ему необходимо психологическое лечение, и что пребывание в приюте только ухудшит его психическое состояние. Сколько людей тогда заботилось о таких вещах, как психическое состояние человека? Очень немногие. Но менее чем через шесть месяцев они

отправили Фан Пинсюя обратно, заявив, что он совершил преступление.

Сюй Чунь был сбит с толку. В системе не было записей о каких-либо преступлениях, совершенных Фан Пинсюем. Даже если бы Фан Пинсюй был в то время ребенком, его послужной список не должен был быть чистым листом.

— Он убил двух домашних овчарок, а когда он пытался убить свою сестру, его нашла горничная, — сказал Юн Хун. — В то время ему было всего восемь лет. Поскольку маленькая девочка не получила серьезных травм, приемные родители просто отправили его обратно и не стали вызывать полицию. Они сказали, что сожалеют, но не могут его изменить.

— Значит, Фан Пинсюй оставался в приюте, пока не стал взрослым? — спросил Сюй Чунь. — В возрасте от восьми до восемнадцати лет он совершал какие-либо другие жестокие поступки?

— Я не знаю. — Юн Хун закрыл книгу рекордов и положил ее на место. — После того, как Фан Пинсюй пошел в среднюю школу, он редко возвращался в приют. Честно говоря, никто из нас не хотел, чтобы он вернулся. Его родители были ненормальными, и он не был нормальным. Когда он был там, я всегда боялся, что он сделает что-нибудь невинному ребенку.

Шоуцюань, местный полицейский пост.

— Чжоу Тинтин потеряла равновесие и упала в воду, вот и все! — Цянь Да, офицер, ответственный за расследование смерти жены Тан Юаня много лет назад, уже ушел из полиции, чтобы открыть чайный домик. Когда его снова пригласили в участок для допроса в полиции, его тон стал заметно конфронтационным. — Если бы она не потеряла равновесие, что еще это могло быть? Думаешь, ее толкнули? Мы тогда очень тщательно все проверили. Ее следы были единственными в округе. Так кто ее толкнул? Призрак? Это произошло более двадцати лет назад. Вы хотите возобновить дело сейчас?

Минг Шу уже проверил материалы дела. Сам файл не выявил никаких проблем, но реакция Цянь Да на эти вопросы вызвала у Минг Шу большие подозрения.

Цянь Да теперь вел бизнес в Шоуцюане. Номинально это был чайный домик, но, честно говоря, это явно был зал для игры в маджонг. Когда кто-то вел такой бизнес, даже если он не был в хороших отношениях с полицией, он, по крайней мере, вел себя с ней вежливо.

Но Цянь Да явно очень нервничал, и его нервы явно влияли на то, как он отвечал на вопросы Минг Шу.

Если бы в этом деле более двадцати лет назад не было ничего подозрительного, была бы реакция Цянь Да такой резкой?

Минг Шу выследил семью Чжоу Тинтин. Оба ее родителя умерли, но у нее была одна младшая

сестра, которая все еще жила в Шоуцюане.

— Мою сестру убили, — возмущенно фыркнула Чжоу Цинцин. — Моя сестра была чрезвычайно осторожным человеком. Она была такой с самого детства. Этот акведук тоже находился так далеко от ее дома. Что она там делала? Тан Юань заплатил этим полицейским, чтобы они сказали, что моя сестра случайно упала в воду, просто чтобы Тан Юань мог очистить свое имя. Моя сестра была убита Тан Юанем!

Пока продолжалось расследование, Линь Цзяо позвонил Минг Шу:

— Капитан Мин, у вас есть время прийти в Центр психологических исследований?

Минг Шу был в Шоуцюане, когда ему позвонили. У него не было времени сразу же вернуться назад в Бюро.

— Некоторое время назад вы попросили меня углубиться в душевное состояние Цинь Сюя, — сказал Линь Цзяо. — Я кое-что обнаружил, но мало что знаю о делах, которые вы сейчас расследуете. Вам или капитану И придется лично определить, имеют ли образы в подсознании Цинь Сюя отношение к вашему расследованию.

<http://bllate.org/book/14859/1321965>